

Сяо Жофэй прижал Дай Цзяна к стене, его губы дрожали от улыбки, но в глазах горела ярость. Его окровавленная рука хлопнула по испуганному лицу, оставляя красные отпечатки пальцев.

— Попробуй тронуть Гу Чуньяла, и ты пожалеешь!

За границей всё не так, как в Китае. Если из-за драки попасть в полицию, это будет слишком дорого стоить. Бай Яньнань, боясь, что ситуация выйдет из-под контроля, поспешно спрятал окровавленную руку Сяо Жофэя, сделал несколько фотографий, а затем увёл его.

Вернувшись в отель, Сяо Жофэй всё ещё был в ярости. Левой рукой он сжимал правую, которая не переставала дрожать, как бутылка газировки после сильного встряхивания.

Бай Яньнань осторожно подошёл, усадил Сяо Жофэя на кровать, достал из чемодана спирт и бинты. Подготовив всё, он набрался смелости и попросил Сяо Жофэя показать руку.

Сяо Жофэй механически выполнил просьбу. Его левая рука была слегка запачкана кровью, а правая выглядела ужасно: вся в крови, с двумя длинными порезами, идущими от большого пальца к мизинцу. В районе линии сердца торчал осколок стекла.

Бай Яньнань содрогнулся. Он поспешно вытащил стекло, открыл бутылку со спиртом и вылил содержимое на руку Сяо Жофэя. Но тот, словно перегруженный механизм, не издал ни звука боли.

Тот, кто пытался помочь, сам был на грани срыва. Не сдержавшись, он заплакал. Слёзы катились по его щекам, и он не мог их остановить.

Только тогда Сяо Жофэй наконец отреагировал. Он медленно отвел руку, протянул платок и сказал:

— Не плачь.

— Тебе так больно, а ты даже не кричишь... — Бай Яньнань всхлипнул ещё сильнее.

— Больно, настолько, что не могу говорить. Разве это не боль?

Когда стекло только порезало кожу, Сяо Жофэй почти ничего не почувствовал. Он смотрел, как кровь течёт, оставляя следы на одежде и на полу, и всё казалось нереальным, как будто это был сон. Только когда Бай Яньнань вылил на его руку спирт, он почувствовал боль, настолько сильную, что голова закружилась, а глаза помутнели.

Он наконец осознал, что снова натворил бед.

Такую же ошибку он совершил однажды, и последствия тогда заняли целых восемь лет, чтобы начать исчезать. На этот раз всё было ещё серьёзнее. Его съёмочная группа находилась за тысячи километров, работая изо всех сил, чтобы добиться совершенства, снимая сцены в ледяном холоде. И их усилия могли быть напрасными из-за его минутной слабости.

Он хотел исправить ситуацию, но не знал, успеет ли.

— Яньнань, отойди, мне нужно сделать несколько звонков.

Бай Яньнань был в шоке:

— Нет, я не уйду. Сначала останови кровь, ты должен перевязать руку!

— Всё в порядке, я не умру!

— Жофэй, что ты задумал? — Бай Яньнань явно нервничал, потеряв свою обычную невозмутимость. — Сейчас в Китае день, всё можно обсудить позже. Здесь уже ночь, завтра утром всё обсудим. Ты должен успокоиться, не наделай ещё больше бед...

Сяо Жофэй молча смотрел на Бай Яньнаня, и в воздухе, казалось, раздался звук «бум». Все эмоции, весь гнев выплеснулись наружу, как из открытой бутылки, оставив внутри лишь мёртвую воду.

Он извинился, поблагодарил, сказал, что доставил хлопоты, и замолчал, позволив Бай Яньнаню действовать.

Бай Яньнань поспешно принялся за дело. Он никогда не думал, что навыки, которые он когда-то выучил, играя врача, пригодятся в такой ситуации. Все действия он знал наизусть, и вскоре рука Сяо Жофэя была плотно забинтована.

Убедившись, что кровь остановилась, Бай Яньнань потянулся, встал, привёл в порядок комнату, а затем вернулся к Сяо Жофэю:

— Здесь с медициной сложно, в больнице можно простоять целую вечность. Завтра ходим в клинику без записи, главное, чтобы не было инфекции.

— Спасибо, сегодня я доставил тебе много хлопот, — Сяо Жофэй снова стал самим собой, его лицо выражало сожаление, а прядь волос, упавшая на лоб, смягчила его обычно строгий взгляд, делая его милым и жалким.

Бай Яньнань посмотрел на него и сказал:

— Дай Цзян злопамятный, будь осторожен, он может отомстить.

— Потом разберёмся.

Бай Яньнань продолжал:

— А что насчёт вашего фильма? Если он не откажется от финансирования сейчас, то позже может ударить в спину.

Сяо Жофэй повторил:

— Потом разберёмся.

— Сяо Жофэй, ты... — Бай Яньнань не знал, злиться ему или нет. Если бы это случилось с его актёром, у него бы уже болела голова, но перед ним был человек, который оставался спокойным, словно ничего не произошло. — Вокруг нас было не так много людей, и те, кто видел, что произошло, вряд ли будут говорить. Я предупредил отдел по работе с медиа, чтобы они следили за ситуацией, если появится намёк на хайп, сразу удалят.

— Зная характер Дай Цзяна, он точно не станет раздувать скандал. Возможно, «Шэньту» сама займётся удалением постов и контролем комментариев. Он мстительный, но никогда не ставит себя в неловкое положение. Увидишь.

Сяо Жофэй снова стал спокойным, вернувшись к своему привычному образу. Минутная слабость, должно быть, была вызвана алкоголем, ослепляющим светом, жарким воздухом и

шумом толпы. В таких условиях легко потерять контроль, и ссоры неизбежны.

Не могло быть другой причины.

— Вот теперь ты похож на себя, — тихо сказал Бай Яньнань.

— Что? — переспросил Сяо Жофэй.

— Я сказал, что твоя рубашка вся в крови, может, снимешь и сменишь?

Бай Яньнань давно заметил красную нить на Сяо Жофэе. Видя, что тот не возражает, он осторожно снял заколку для галстука с его груди и начал разматывать красную нить. Когда она развязалась, на его ладони оказался оберег из храма Янчжун.

Бай Яньнань удивился, он никогда не думал, что оберег можно носить так, и это выглядело довольно стильно.

Он поднял бровь и с интересом спросил:

— Кто тебе его подарил?

— У каждого в съёмочной группе есть такой, — ответил Сяо Жофэй.

— Ах, точно, вы же снимаете в Байшуе. — Бай Яньнань аккуратно свернул красную нить, положил оберег на тумбочку и вздохнул с облегчением. — Я думал, это тебе парень подарил.

Сяо Жофэй усмехнулся, но ничего не ответил.

— Хорошо, что это не так. — Бай Яньнань произнёс это тихо, но Сяо Жофэй услышал каждое слово.

— Нет, — улыбнулся Сяо Жофэй. — Что, мне теперь нужно отчитываться перед тобой, если у меня появится парень?

— Конечно нет. — Бай Яньнань улыбнулся своей знаменитой улыбкой, которую часто можно было увидеть на обложках журналов. — Честно говоря, ты тогда... был очень крут.

— Скорее глуп.

Бай Яньнань покачал головой:

— Крут. Очень крут. Ты напомнил мне себя в студенческие годы.

Сяо Жофэй фыркнул:

— Тогда я точно был глуп.

В те времена Сяо Жофэй не был таким, как сейчас — расчётливым и осторожным. Он был более рассудительным, чем его сверстники, но всё же совершал ошибки, иногда попадал в неловкие ситуации, иногда говорил лишнее, а потом спорил, когда его высмеивали, что было одновременно мило и забавно.

— Ты скучаешь по тем временам? По тем дням, когда мы были втроём. — Бай Яньнань сел на кровать, его рука оказалась рядом с Сяо Жофэем.

Скучать? Как можно не скучать?

Тогда они были неразлучны, пили газировку, хвастались, ездили на велосипедах по улицам Цзинчэна, смотрели полуночные фильмы для взрослых, а потом лежали на берегу реки Чуйлю, пересекающей город с востока на запад, и смотрели на звёзды. Сяо Жофэй, считая звёзды, говорил Гу Чуньяо и Бай Яньнаню, что его фильмы будут показаны в каждом уголке мира, что он будет стоять на самой великой сцене, держа в руках золотую статуэтку, и скажет: «Я люблю этот мир, спасибо вам». В те времена небо было их небом, земля — их землёй, они были королями мира, свободными и уверенными в своём будущем, словно солнце никогда не зайдёт для них.

Такая молодость бывает только раз в жизни, и это большая удача.

Сяо Жофэй кивнул.

Бай Яньнань глубоко вздохнул, снова положил руку на ладонь Сяо Жофэя, провёл пальцем по линиям на его руке и тихо сказал:

— Если так скучаешь... может, ты хочешь вернуться?

— Это ты тогда предложил расстаться.

— Да... все мы молоды и совершаем ошибки. А моя ошибка... — Бай Яньнань не отступил. — Была отпустить тебя.

— Ты думаешь, твои слова изменились?

<http://bllate.org/book/15563/1415651>